

Тэнгэн рассеял Барьер Тэнгэна. Окинув Годжо Хару всеми четырьмя глазами, он попытался уловить перемену в его лице и со вздохом облегчения произнес:

— Наконец-то всё кончено... Мой тысячелетний долг перед миром магов исполнен. Теперь я могу сбросить это ярмо и пожить ради себя. Больше не придется чахнуть в подземельях Звёздного дворца, не видя белого света...

Хара скользнул взглядом по уродливому, давно потерявшему человеческие очертания облику Тэнгэна. На его губах заиграла мягкая улыбка, в которой, однако, не было ни капли сочувствия.

— Вот как? Рад за вас. Жаль только, господин Тэнгэн, что в таком обличье вам едва ли удастся вкушать прелести обычной жизни. Какая досада.

От этой фальшивой вежливости Тэнгэн похолодел. Почувствовав неладное, он поспешно пролепетал:

— Пустяки, пустяки! Я давно привык к затворничеству, да и людям в моем нынешнем виде лучше не показываться. Пожалуй, останусь в барьере разрушенного Звёздного дворца.

Большая часть наземных построек Звёздного дворца давно превратилась в пепел во время грандиозной битвы между Харой и Рёмэном Сукуной, так что уцелели лишь глубокие подземные залы.

Хара неопределенно усмехнулся и, не говоря больше ни слова, взмахом руки вновь запечатал Тэнгэна в свиток своей территории.

Вглядываясь в пергамент, где на нарисованном холсте растерянно озирался четырехглазый Тэнгэн, Хара негромко произнес:

— Простите, но веры вам нет. И оставлять вас на свободе я тоже не намерен. Моя задача — убрать любую, даже самую призрачную угрозу, которая может коснуться Сатору.

Мотивы древнего божества оставались для Хары загадкой. В таких делах он предпочитал излишнюю осторожность слепой доверчивости — лучше перестраховаться, чем потом расплачиваться чужими жизнями.

Правда, Тэнгэн всё же оставался столпом мира магов. Поползи слухи о его гибели, и волны народного гнева могли захлестнуть весь мир магов. Сам Хара легко бы справился с любыми последствиями, но это бросило бы тень на его младшего брата. Запечатывание было идеальным выходом.

К тому же Тэнгэн и так веками не выходил на свет. Достаточно пустить слух, будто великий покровитель ушел в глубокий затвор, спасаясь от покушения Кэндзяку.

Хара питал к Тэнгэну глубокое недоверие. Тысячу лет Барьер Тэнгэна окутывал всю Японию. Возможно, в эпоху расцвета магии эта преграда и служила щитом, но теперь, когда великое искусство угасало, барьер превратился в подобие глиняного сосуда для разведения ядовитых тварей — гигантский инкубатор для проклятий.

Да и сам Тэнгэн, владеющий техникой бессмертия и безвылазно сидевший под землей целое тысячелетие — сохранил ли он рассудок? Неужели вековое одиночество не извратило его разум? Даже если в далеком прошлом он добровольно принес себя в жертву ради блага людей, где гарантия, что за десять веков великие идеалы не превратились в прах?

Действительно ли «всеведущий» владыка, чей взор благодаря барьеру проникал в каждый угол страны, не замечал интриг Кэндзяку? Даже если тысячелетний кукловод умел скрывать свое присутствие, он не мог делать это постоянно с самого начала. Тэнгэн не мог не знать о его существовании.

Почему же тогда он молчал? Почему не предупредил магов о существе, способном переселять свой мозг в чужие тела и веками плести заговоры? Из-за этого молчания Кэндзяку безнаказанно творил бесчинства целую тысячу лет.

Подобное утаивание заставляло Хару сомневаться в лояльности Тэнгэна. Оба они — выходцы из ушедшей эпохи Хэйан. Кто знает, какие тайные клятвы связывали этих древних чудовищ?

Да, Сукуна и Ураумэ пытались похитить Тэнгэна для Кэндзяку. Но, вспоминая, насколько лениво и неохотно действовал тогда ледяной маг, Хара не исключал, что всё это было лишь искусно разыгранным спектаклем.

К тому же Цукумо Юки едва не поплатилась жизнью из-за недомолвок этого древнего затворника.

Опять же, Тэнгэн обязан был отслеживать появление сильнейших проклятий через свои барьеры. Пусть его взор и подводил в мелочах, пропустить рождение проклятий особого ранга он просто не мог. Однако за всё время появления проклятых духов стихийного бедствия особого ранга от него не поступило ни одного предупреждения.

И как после этого не подозревать Тэнгэна? Одно из двух: либо он сознательно играл на стороне врага, либо его хваленый барьер — никчемная пустышка, не способная заметить истинную угрозу. Но если так, то зачем вообще беречь этого бесполезного старика?

Был еще случай с Сосудом звездной силы. Тогда верхушка магов, наспигованная шпионами Кэндзяку, под надуманным предлогом услала Хару в Америку, поручив защиту Рико Аманаи юным Сатору и Сугуру. С того момента, как Хара сел в самолет, и до того, как Сатору получил приказ о миссии, никто даже не попытался связаться с ним или привлечь его к охране девочки.

Тэнгэн прекрасно знал, что один из Шестиглазых выведен из игры. И всё же он без колебаний доверил судьбу слияния лишь одному Сатору и Гэто Сугуру.

Это шило слишком явно торчало из мешка.

Прежде безопасность Сосуда во время слияния всегда обеспечивали Шестиглазые. В этом поколении судьба явила миру уникальное чудо — двух обладателей священных глаз. Любой разумный правитель ради собственной безопасности задействовал бы обоих братьев.

Но Тэнгэн безучастно взирал на то, как Хару отправляют за океан, пока за голову Аманаи на черном рынке магов предлагали баснословные деньги. Жизнь Сосуда доверили лишь одному из братьев.

Пусть за интригами с командировкой стоял Кэндзяку, и у Хары не было прямых улик против Тэнгэна, интуиция подсказывала: древний дух как минимум молчаливо потворствовал врагу. Он мог и не быть прямым сообщником Кэндзяку, но наверняка знал о его планах и предпочитал плыть по течению, безмолвно подыгрывая.

Подобное двурушничество вызывало у Хары лишь глухое раздражение. Он не понимал логики Тэнгэна и не собирался в ней копать. Ему хватало одного: этот старик ненадежен и, возможно, связан с врагом.

Этого допущения было вполне достаточно, чтобы сразу после снятия барьеров запереть его в темнице собственного разума — в свитке расширения территории. Особенно теперь, когда Тэнгэн, едва убрав преграду, залепетал о «жизни для себя». Его слова так и разили страхом предвещаемого предательства. Будь его совесть чиста, с чего бы ему так дрожать перед Харой?

Не будь риск слишком велик — убей он Тэнгэна сейчас, и древние барьеры могли обрушиться самым непредсказуемым образом, оставив после себя ядовитый след — Хара избавился бы от него давным-давно, не дожидаясь добровольного согласия на снятие защиты.

Впрочем, лишать Тэнгэна жизни он не стал. Всё же подозрения оставались лишь догадками, а многовековая защита Японии — неоспоримой заслугой. Да и опасения, что хитрый старик мог оставить какую-нибудь скрытую ловушку на случай своей кончины, заставляли Хару медлить. Пленение казалось идеальным компромиссом. Если в будущем что-то пойдет не так, свиток всегда можно развернуть и вытрясти из пленника нужные ответы.

Разумеется, существовал куда более надежный способ — скормить Тэнгэна Гэто Сугуру. Подчиненный техникой манипуляции проклятиями, древний дух лишился бы даже зачатков собственной воли и не смог бы скрыть ни единого секрета.

Но, во-первых, обвинения строились лишь на догадках. Что, если Тэнгэн действительно был просто глуп? За тысячу лет затворничества в четырех стенах любой разум превратится в труху. Превратить древнего защитника, заслужившего всеобщее почтение, в безвольного карманного

монстра для Гэто — это было бы слишком жестоко. Ведь рабство проклятий абсолютно: пока жив кукловод, его марионеткам не видать свободы.

Во-вторых, Хара до сих пор не мог полностью доверять самому Гэто.

Тень его прежнего падения во тьму никуда не исчезла. Да, сейчас Сугуру казался исцелившимся, вернувшимся на путь истинный, но его пренебрежение к обычным людям всё еще сквозило в каждом жесте.

Хара не тешил себя иллюзиями. Сугуру вполне мог затаить обиду после того «перевоспитания», которое ему устроили на уединенном острове, и молча копить яд под маской покорности.

Если такой человек поглотит Тэнгэна и заберет его силу, а затем снова сорвется в безумие — усмирить его будет сложнее, чем переиграть старого лиса Кэндзяку.

Хара держал его на коротком поводке. Он доверял Гэто в повседневных делах, но бдительно следил, чтобы сила друга не перешагнула ту черту, за которой Хара потеряет контроль. Случись худшее, Хара должен иметь возможность прижать мятежника к земле одним щелчком пальцев, пока тот не успел пролить чужую кровь.

Гэто был единственным и самым дорогим другом Сатору. Допусти Хара бойню — и Сатору придется выбирать между долгом и верностью дружбе. Но если купировать угрозу в зародыше, не доводя до жертв, дело можно замять. Хара просто запер бы Гэто в тайной темнице, оберегая младшего брата от невыносимых терзаний совести.

Именно поэтому он исподволь мешал Гэто собирать армию слишком опасных духов. Во время Сибуйского инцидента Хара мог бы запечатать Дзёго и Ханами в своем свитке, а затем передать их Сугуру, но сознательно лишил его этого лакомого куска.

Тогда у него были веские причины. С одной стороны, он не хотел раскрывать перед таинственным кукловодом свои запечатывающие техники; с другой — понимал, что обладание столь разрушительными стихийными силами сделает Гэто слишком могущественным.

Дело было не в страхе проиграть. Даже поглотит Гэто хоть всех восьмерых стихийных монстров, Хара одолел бы его. Но в пылу их гипотетического столкновения рухнули бы целые города. А если жертв окажется слишком много, Харе пришлось бы убить лучшего друга своего брата.

Проще удушить змею в яйце, чем потом тушить мировой пожар.

По этой же причине Хара ни на секунду не задумывался о том, чтобы скормить ставшего проклятием Тэнгэна своему подопечному.

Закончив с печатями, Хара поднял голову и посмотрел в пронзительно-синюю высь.

Великий барьер Тэнгэна, веками давивший на Японию невидимым куполом, растаял без следа. Клубящиеся грозowymi тучами темные эманации — вековой гной людской злобы и страха — хлынули в открывшееся небо, обрета долгожданную свободу.

Словно ушат чернил вылили в бескрайний океан — темная жижа мгновенно растворилась в небесной лазури, и великая пустота пространства без следа поглотила яд. Очищенная и рассеянная злоба испарялась под теплыми лучами солнца, не успевая сконденсироваться даже в слабого проклятого духа четвертого ранга.

Наша планета изначально умела исцелять себя. Проклятия низшего порядка, порожденные сиюминутными страхами, угасали сами собой, если не получали постоянной подпитки. Лишенные корней, они таяли, как утренний туман. Именно поэтому опытные маги никогда не тратили силы на истребление безобидных проклятых духов четвертого ранга — время само стирало эти следы.

Беда заключалась лишь в неспешности этого процесса. Самоочищение требовало времени, а глухой купол Тэнгэна запирали ядовитые испарения внутри страны. Концентрация ненависти зашкаливала, проклятия рождались сотнями, и японские маги, привыкшие вариться в этом котле, искренне верили, что проклятые духи бессмертны, пока их не изгонит чужая воля. Великие чудовища действительно могли существовать веками, но мелкая нечисть без подпитки просто таяла.

Теперь преграда пала. Оковы сорваны, яд рассеялся. Хара отчетливо понимал: пройдет совсем немного времени, и безумный конвейер смерти, штампуемый монстров, заметно сбавит обороты.

Однако Кэндзяку, осознав масштаб катастрофы, пришел в неопишемую ярость. Ждать он больше не намеревался.

Все его планы взрастить великое проклятие из концентрированного ужаса толпы пошли прахом. Хара действовал слишком стремительно. Он не успел ни похитить Тэнгэна, ни завершить подготовку, как защитный купол растаял в воздухе.

Это был крах. Великое делание десяти веков рассыпалось прахом. Вся его монументальная концепция опиралась исключительно на барьеры Тэнгэна. Без этой основы затевать что-либо было бессмысленно. О «Смертельной миграции» теперь можно было забыть — правила игры лишились своего игрового поля.

Разум твердил Кэндзяку, что нужно затаиться. Его вечная жизнь позволяла переждать эпоху этих проклятых близнецов. Пусть Хара и Сатору состарятся и умрут, а потом он вернется, отыщет Тэнгэна и восстановит барьеры. Но Кэндзяку понимал: к тому времени слияние Тэнгэна завершится окончательно. Древний дух утратит всякую физическую форму, и поймать его будет невозможно.

Мечта всей его жизни тонула во тьме небытия.

Жгучая, удушающая ярость лишила Кэндзяку рассудка. Раз Хара растоптал его великое будущее, он заставит наглеца заплатить кровью.

Рёмэн Сукуна не справился с Шестиглазыми? Что ж, тогда пришло время выпустить на волю истинный венец ужаса.

Гован — величайший проклятый дух стихийного бедствия особого ранга, рожденный из первобытного страха людей перед неизбежным концом. Поглотив незрелые зародыши других проклятий, этот монстр на стадии невылупившегося яйца превосходил мощью всех семерых стихийных владык, вместе взятых.

Чтобы ускорить рождение своего ультимативного оружия, Кэндзяку приказал Кэлину вновь запустить трансляцию на небесном своде.

Исполинский небесный экран явил испуганному миру жуткое зрелище: посреди диких гор пульсировал огромный проклятый зародыш, похожий на обнаженное кровоточащее сердце. Вокруг него гибло всё живое — вековые леса мгновенно ссыхались в серую труху, а твердые скалы осыпались пылью под тяжестью его мертвящего дыхания.

Над бескрайним куполом неба вновь вспыхнули зловещие багровые буквы:

****[Сильнейшее проклятие в истории. Истинный Король Проклятий — Гован!]****

Раз уж Сукуна бесславно сгинул от рук Сатору, обиженный его беспомощностью Кэндзяку без колебаний сорвал корону повелителя демонов с мертвеца и водрузил ее на своего ненасытного питомца.

Зрелище бьющегося в конвульсиях сердца, выпивающего саму жизнь из земли, породило в людских душах волну леденящего ужаса. Если тварь творила такое, еще не выбравшись из скорлупы, то что произойдет, когда она окрепнет? Одно ее появление сотрет с лица земли целые префектуры.

Смертные в панике задавались вопросами: даже если величайшие маги одолеют это чудовище, сколько невинных душ сгорит в адском пламени битвы? Не окажутся ли они сами среди жертв?

Липкий, удушающий страх перед неминуемой гибелью полноводной рекой хлынул к пульсирующей плоти Гована, ускоряя его рождение.

Хара, прищурившись, наблюдал за трансляцией.

Не теряя ни секунды, он отдал приказ мобилизовать всех сильнейших магов. По всей Японии началась масштабная зачистка — они прочесывали каждый квадратный метр в поисках проклятого гнезда.

Братья Годзё взяли на себя самую тяжелую часть работы. Пользуясь способностью к мгновенному перемещению и непревзойденной зоркостью Шестиглазых, они носились над страной, словно два живых радара, сканируя горы и долины.

За какие-то десять минут они прочесали всю префектуру за префектурой, заглянули в самые глухие ущелья, но проклятый след словно растворился в воздухе. Зародыша нигде не было.

Это казалось невозможным. Рассматривая нависающие над миром кадры мертвых гор, Хара нахмурился:

— Такую зону отчуждения невозможно спрятать. Если только... гнездо находится за пределами Японии.

Сатору, связавшись с ним по рации, согласился, но возразил:

— Но если оно за границей, как оно умудряется высасывать страх наших людей?

Информация о существовании проклятий не выходила за пределы японских островов. Иноземная пресса считала редкие слухи лишь вирусным маркетингом нового масштабного аниме. Чиновники даже планировали после завершения кризиса запустить настоящий медиапроект, выпросив у братьев права на использование их образов в качестве главных героев. Тогда любые откровения очевидцев на зарубежных форумах списывались бы на типично японскую одержимость двухмерной культурой: мол, эти чудаки опять путают выдумку с реальностью.

Игры с общественным мнением были оправданны: узнай всё человечество правду, совокупный ужас миллиардов людей породил бы такое чудовище, с которым не совладали бы даже Шестиглазые. Да и они не бессмертны. Рано или поздно братья уйдут, и кто тогда защитит мир от порождений тьмы?

Хара долго вглядывался в безжизненные скалы на небесном экране.

— Чтобы поглощать страх в таких объемах, зародыш обязан находиться по эту сторону барьера, — медленно произнес он. — Раз его нет на суше, остается только океан.

— Но как же горы на экране? — удивился Сатору.

— Не забывай, кто крутит это кино, — отозвался Хара. — Нам могут показывать старую запись, монтаж или обычную иллюзию. Доверять глазам в таких вопросах глупо.

Он верил не картинке, а законам течения проклятой энергии: Кэндзяку затеял трансляцию

ради жатвы человеческого страха, а значит, Гован должен находиться в непосредственной близости от источника этой силы. Это был простой расчет. Тварь росла на дрожжах паники, и чтобы насытиться, ей требовалась прямая связь с умами миллионов японцев.

Вывод напрашивался сам собой: кокон спрятан в территориальных водах.

Развернувшись над побережьем, братья устремились к холодным морским просторам.

Догадка подтвердилась через несколько минут. На самой границе шельфа Хара уловил едва заметное искажение пространства — остаточный след проклятой энергии Кэлина.

Повелитель иллюзий развернул свою территорию прямо под толщей воды, укрыв в ней созревающего Гована.

Обычный маг проплыл бы мимо, но Шесть Глаз Хары видели не просто следы энергии — они читали сами нити мироздания. Заметить фальшивую заплатку на ткани реальности не составило труда.

Хара не стал тратить время на уговоры. Сложив пальцы в сложный жест, он высвободил колоссальный заряд «Фиолетового». Пурпурный луч аннигилирующей мощи врезался в скрытый барьер. Вода взвизгнула, мгновенно превращаясь в пар, море расступилось гигантской кипящей траншеей, обнажив илистое дно, а хваленая территория Кэлина разлетелась стеклянными осколками.

Почуввав смертельную угрозу, кокон лопнул.

Сквозь клубы пара Хара ощутил, что враг уцелел. Мощнейший удар, стерший иллюзорный мир в порошок, оставил новорожденное божество практически невредимым.

Когда кипящие валы улеглись, перед ним предстал Гован во всем своем ужасающем величии.

Монстр походил на гигантскую человекоподобную тень, высеченную из первозданного мрака. Никаких деталей лица — лишь прорези безумных глаз и хищный оскал ослепительно белых зубов. Изрезанный глубокими шрамами силуэт возвышался над водой на добрых пять метров.

Массивный торс бугрился неестественными мускулами, а за спиной твари, едва заметно подрагивая, крепились две пары прозрачных крыльев, точь-в-точь как у стрекозы. В сочетании с угольно-черной кожей они казались призрачным маревом.

Окинув Гована быстрым взглядом, Хара атаковал без промедления.

Однако первый же удар заставил его застыть в изумлении. Проклятая энергия Хары не

причинила чудовищу вреда. Гован не просто заблокировал атаку — он буквально сожрал её, впитав мощь Шестиглазых без малейшего остатка.

<http://bllate.org/book/19549/2004401>